

ГАЛИНА УМЫВАКИНА

ТАКОЕ ДОЛГОЕ ЭХО

Впервые на «День поэзии ВГУ» я попала полвека назад еще школьницей. Меня пригласил Владислав Анатольевич Свительский, в ту пору студент-старшекурсник филологического факультета, проходивший в нашей школе педагогическую практику.

Я сразу была захвачена в плен атмосферой торжественной раскованности и сосредоточенности, властвующей в переполненном зале и на сцене.

Обилие стихов, сам воздух поэтического праздника, в котором, казалось, сгустилась особая духовная и эмоциональная энергетика, в одночасье ошеломили и надолго покорили меня.

А в 1965 году я, уже первокурсница филфака ВГУ, участвовала в 9-ом «Дне поэзии» и читала со сцены свои стихи. И, конечно, не думала, что впереди будет еще много других, не предполагала, что дождусь и 50-го, и 55-го... А ежегодные поэтические чтения, знававшие и плодородные, и скудные времена, станут неотъемлемой частью истории моего родного университета. Для меня же из почти 60-летнего бытования «Дней» самым дорогим и памятным остается их второе десятилетие, совпавшее с моими студенческим и аспирантским годами. На него и оглянусь с нежностью, печалью и благодарностью.

В моем домашнем «архиве» сохранились материальные свидетельства той давней поры: специальные выпуски «Дней поэзии». Были они пожиже и потолще. Некоторые выходили на желтоватой, совсем плохонькой газетной бумаге. Но чаще для многих других приберегали «праздничную» — белую, мелованную. Синий «весенний» шрифт, рисованные заставки. Почти все авторы представлены фотографиями и справками-аннотациями. Постепенно спецвыпуски обретали свое узнаваемое лицо, создавалась скромная, но вполне достойная культура их издания.

Дню поэзии и выходу в свет специальных номеров «Воронежского университета», словом, самому празднику, предшествовали нешуточные волнения и ожидания. Рукописи потенциальных авторов, переданные в редакцию университетской многотиражки, строго просматривались. Им давалась не только художественная, но прежде всего идеологическая оценка. Публиковались лишь тщательно отобранные тексты. Да и читать со сцены нам рекомендовали «проверенные» стихи. Нежелательными считались уход от современности в безыдейную «книжность» и драматизм чувств, противоречивые вехи отечественной истории и «сомнительные» культурные аллюзии, «тихий», беспартийный патриотизм и обращение к трагическим судьбам русских поэтов...

Но всегда зал (сотни студентов и аспирантов, десятки преподавателей разных факультетов — от ассистентов до профессоров) настороженно замирал в предчувствии непредсказуемой дерзости, в ожидании непокорного вольнодумства. Преподавателям же, ответственным за ведение поэтического действия, приходилось держать ухо востро и проявлять мастерство комментирования, если читалось что-то внеплановое, «недозволенное». Владислав Петрович Скобелев, к примеру, то лукаво улыбался, то откровенно радовался, то тревожно хмурился, то многозначительно молчал, то приглушал ироническими замечаниями благодарный, скептический или раздраженный рокот зала.

И все-таки, несмотря на местную цензуру, выпуски, посвященные Дням поэзии «моего» десятилетия (1965-1975), отличались по разнообразию тем и степени свободы высказывания от стихов, публиковавшихся в «Молодом коммунаре» или в «Коммуне», а тем более в «Подъеме» и в поэтических сборниках. Во всяком случае, некоторые мои стихотворения, увидевшие свет на страницах «Воронежского университета», не

проходили цензурных заторов в других изданиях вплоть до второй половины 80-х годов.

А в 60-е годы складывалась и укоренялась еще одна особенность «Дней поэзии»: в них принимали участие представители разных поколений. Прошедшие войну преподаватели (А.М. Абрамов, Я.И. Гудошников, М.В. Федорова, А.И. Немировский) и выпускники разных лет — геологи, филологи, химики, историки (Валерий Мартынов, Людмила Бахарева, Олег Шевченко, Светлана Филюшкина, Виктор Панкратов, Олег Гуков, Георгис Веллас и, конечно же, Станислав Никулин, составивший в 2008 году двухтомную антологию поэзии ВГУ «Земная колыбель»).

Вместе с ними на сцену вслед за Львом Коськовым и Аркадием Слуцким выходили мои однокурсники — филологи Анатолий Нестеров и Валерий Исаянц, математик Даниил Заславский; потом пришел черед Анатолия Кобзева, Аркадия Пресмана, Владимира Молчанова, а через год-другой зал слушал Лилию Гушину, Ивана Щелокова, Елену Неведрову и неизменно ждал пародий Людмилы Люличевой.

Традиция переклички и смены стихотворцев разных поколений придавала «Дням поэзии» смысловое и эстетическое полифоническое звучание, в которое привносили свои яркие «партии» приглашенные московские поэты: Марк Соболев, Николай Панченко, Петр Вегин, Юрий Левитанский...

В 1971-ом году гостями поэтического праздника были Анатолий Жигулин и Наум Коржавин — два друга, два сидельца, упрятанные в лагерь со студенческой скамьи. Оба в той или иной степени знавали периоды умалчивания, запрета или ограничения на публикации. До сих пор перед моими глазами до слез трогательное дорогое воспоминание: их беспримечная человеческая и творческая солидарность. Они слушали друг друга с гордостью и признательностью. Когда читал один, другой беззвучно повторял его строки, а при заминке подсказывал вслух. Внешне совершенно разные: худощавый, насупленный, настороженный Жигулин и мягкий, складчатый,

иронично улыбающийся Коржавин — они удивительно дополняли друг друга, как две нераздельные страницы в общей книге поэзии и судьбы. Стоило бывать на Днях поэзии ради одной этой неистребимой в памяти картины!

«Будьте большими поэтами», — напутствовал участников «Дня поэзии» 1965-го года Владимир Гусев. «Праздник на все времена», — так назвал свою вступительную статью к спецвыпуску 2006-го года Виктор Акаткин, как никто другой в течение нескольких десятилетий способствовавший тому, чтобы этот праздник продолжался и не угасал.

И все-таки — был ли это только праздник поэзии, где звучали стихи разного уровня версификаторства: от неуверенного, робкого до вполне профессионального, где рядом сосуществовали жизненный опыт и свежесть юности, верность традициям и дерзкие поиски? Думается, что Дни поэзии 60-х — 70-х годов были также свидетельством разномыслия и равнодушия, искренности и доверительной обоюдной связи сцены и зала, читающих и внимающих, торжеством служения поэзии и ее безусловной востребованности, мерой открытости ума и души каждого, кто хотел сказать и услышать что-то самое для себя важное. А главное, «Дни поэзии», хотя и ограниченные пространством университетского зала, были все же территорией свободы, достоинства и редкого по тем временам живого, ярко общественно-культурного события.

Творческие и человеческие судьбы тех, с кем вместе я выходила на сцену, сложились по-разному. Чьи-то имена и строки забылись. Многие уже нет с нами. Некоторые вступили в Союз писателей, другие стали авторами интересных поэтических сборников. Моя память, конечно, избирательна, а выбор стихов для нынешней публикации субъективен.

Но, мне кажется, что голос дерзновенной надежды, безоглядного духовного порыва, отважного ощущения нужности поэтического слова — слышится в них и сейчас. Такое долгое эхо...

АНАТОЛИЙ АБРАМОВ

*(профессор филологического
факультета ВГУ)*

Шелтозеро, 1944

Вот здесь, в июне, на рассвете,
В дни наступленья, в том году
Шли в бой шелтозерские дети,
Чтоб отвести от нас беду.
Я видел вынутые ими
На Вознесенском большаке
Противотанковые мины,
А рядом — трупы на песке.
И тут же залитые кровью
Живые — в рытвинах по грудь...
Нет, не свинцом, они любовью
Бойцам прокладывали путь.
Потом я видел их в санбате —
Кульпяки рук и ног в бинтах...
И пусть мне говорят: мол, хватит,
Мы это знаем всё и так.
Я должен всё переупрямить,
Всё помнить, бывшее окрест...
Тот, кто зачёркивает память,
На будущее ставит крест.

1945

ЛЮДМИЛА БАХАРЕВА

*(выпускница историко-филологического
факультета ВГУ)*

* * *

Во всем — безрадостный оттенок
искала вновь твоя душа...
А жизнь была так неизменно,
так безвозмездно хороша!

Да что пристрастные сужденья,
сомнений ироничный смех,
коль неслучайностью рожденья
отмечен каждый человек.

В пересеченье ж скольких линий,
в каком сплочении тепла
и неизбежнейше, и дивно
душа родиться вдруг смогла!

Каким путем вражды и рая
прошли скопления людей,
чтоб, замерзая и стгорая,
мечтать о радости твоей!

А чем ты людям отвечал?
Что эта связь — всего лишь давность?
Но скучная твоя печаль
звучит как бы неблагодарность.

А жизнь — не комик и не трагик,
для всех одна, у всех — одна.
И в общей пишутся тетради
все наши дни, все имена...

АДОЛЬФ БЕЛЯЕВ

*(выпускник историко-
филологического факультета ВГУ)*

Ветер

Я до горечи помню
Обожженный лесок,
И придонскую пойму,
И придонский песок.

В редкой клеверной кашке
С той свинцовой весны
Похоронены в касках
Иностранные сны...

Но безжалостней лезвий
И по-своему рьян,
Сквозь пробойины лезет
Равнодушный бурьян.

По-русскому светел
И сердит — не сердит,
Поймой пойманный ветер
В этих касках гудит...

Но гудит он не марши,
Не торжественный гимн —
Он бурьяном тем машет
В назиданье другим,

Чтоб под солнцем багряным
Взвесить против и за,
Чтоб российским бурьяном
Не кололо глаза.

ОЛЬГА БОРИСОВИЧ

*(выпускница математического
факультета ВГУ)*

* * *

Поставим палатку на диком лугу
В коричневом море тюльпанов,
Чтоб ветер весенний нам пел на бегу,
Пьянея от запахов пряных.

Чтоб было не нужно спешить поутру,
Завидовать счастью чужому...
Пусть тонкие стены дрожат на ветру,
Мы — вместе, мы — рядом, мы — дома.

Одни над рекою встречая рассвет,
Мы станем добрее и строже.
Мудрее на целую тысячу лет,
На целую вечность моложе.

ВЛАДИМИР ВИГУТОВ

*(выпускник биолого-почвенного
факультета ВГУ)*

* * *

Догорит бикфордов шнур —
взрыв взметнет породу.
И пробитый новый шурф
вдруг откроет воду

Догорит последний лист,
трепетный и рыжий.
И его под тонкий свист
с ветки вьюга слижет.

Догорит моя беда,
догорит однажды.
Оживет стихом тогда
чистый лист бумажный.

Догорит любовь догла,
но не станет стылой —
вновь, печальна и светла,
вспыхнет с новой силой.

ОЛЕГ ГУКОВ

*(выпускник химического
факультета ВГУ)*

* * *

В степи не вьется коршун больше
над перекрестьем автострад,
там в ноздри бьет, полыни горше,
железа и бензина чад.

Но под бетонной чешуею
царит таинственная мгла,
там дремлет точенная к бою
и в цель попавшая стрела.

Парчовая истлела куртка,
костяк всосали ковыли,
на месте сердца дремлет чутко
лишь наконечник от стрелы.

Другая жизнь, другие волны
времен, народов и баллад.
Но будут вечно биться молнии
о перекрестье автострад.

ВЛАДИМИР ГУСЕВ

*(выпускник историко-филологического
факультета ВГУ)*

* * *

Ты прочь уходишь, город мой родной,
Уходишь мерно, маревом обвит.
Я не оставил за твоей стеной
Ни милых рук, ни славы, ни любви.

Быть может, мать, оглохнув от труда,
Посмотрит в ночь и медленно вздохнет.
Но о гнезде не плачут никогда,
Когда уходят в первый свой полет.

Я вышел в жизнь за жизнью и трудом,
Я полон сил, мечтанья и надежд.
Что ж мучит сердце твой последний дом,
Зачем мне сердце рвет реки рубеж?

Горит под ветром дождевая пыль,
В толпу домов вонзается проспект.
Вешают ветви грозовую быль —
Колонной кленов гимн дождю пропет.

Таким оставил старый город я.
Что мне деревья, улицы, сады?
Что мокрых зданий тихая семья?
Что в мертвом камне, в блеске той воды?

Меня не ждут, и в будущем светло,
И всё — вот там, за лесом, впереди.
Какой же силой втиснут я в стекло,
Зачем назад, Назад душа глядит?

Так! Мчись вперед, свободною дыши,
Но и у камня есть свои права.
И от того, что как бы без души,
Живую душу надо отрывать.

1959

ЛИЛИЯ ГУЩИНА

*(выпускница филологического
факультета ВГУ)*

* * *

Не неженкой, не нишей, не чудачкой,
Единственной на всю планету прачкой
Поэзия была.

Когда она склонялась над корытом,
Из белых пен рождалась Афродита,
И мир спасать,
доверчивая, шла.

А мать ее в горячей колыбели,
Как море — жизнь,
вынянчивала цели,
И люди превращали их в дела.

Не исчезали с рук ее мозоли,
Но женщина не замечала боли,
И пар над ней напоминал крыла.

ДАНИИЛ ЗАСЛАВСКИЙ

(выпускник математико-механического факультета ВГУ)

* * *

Боимся слез. Нам не по стилю
Средь ежедневной суеты
Любые чувственные были,
Сентиментальные мечты.

Необходимостью жестокой
Связав чередованье дел,
Я стал выслушивать упреки,
Которых раньше не терпел.

Я стал внимательнее ныне,
Хотя по-прежнему в кино
Ты плачешь вместе с героиней
Над тем, что попросту смешно.

Так вот где суть твоя гнездится,
О, современница моя, —
Душа летит подбитой птицей,
О соучастии моля.

ВАЛЕРИЙ ИСАЯНЦ

(выпускник филологического факультета ВГУ)

* * *

Пусть будет вечен вечер у реки,
Не помнящий названья переулоч,
И вы, ушедшая от света и от гула,
И я, идущий слева от руки...
И в грохоте полуночном ручей
Пробивший залежалые сугробы,
И блеск внезапно найденного тропа,
И ясная доверчивость речей...
И старенькая тумба для афиш...
Пусть будут вечны — гравий под ногою,
Впервые — ощущение покоя,
Огни, и церковь, и разлив, и тишь...

АНАТОЛИЙ КОБЗЕВ

(выпускник испанского отделения факультета РГФ ВГУ)

* * *

Нацветовавшись, уходило лето,
несло душистой пылью тишины.
И напоследок так игралось детям,
что в играх забывались до луны.
Тягучие расплавленные воды
насквозь проголубели синевой.
С подсохшим сеном ночью шли подводы,
возы качало силой наливной.
И в платье, на прополке порывшем,
ты собирала теплые цветы,
любимейшая из любимых женщин,
счастливая незнанием беды.
В намеке только скорые дожди
пугали птиц на ветках бересклета.
Хорошая была на свете жизнь!
Нацветовавшись, уходило лето...

ЛЕВ КОСЬКОВ

(учился на филологическом факультете ВГУ)

* * *

Не надо горьких истин,
Хвалы или хулы...
Рябиновые кисти
Красны и тяжелы.

Копаться в неудачах,
В плену у малых дел,
Когда на дальних дачах
Шиповник заалел?

Осенняя прохлада
Нежна, и оттого
Мне ничего не надо,
Не надо ничего.

Наш спор века продлится,
Так лучше я уйду,
Пока звенит синица
В желтеющем саду.

ВАЛЕРИЙ МАРТЫНОВ*(выпускник геологического
факультета ВГУ)*

* * *

О. Гукову

Давно не пели
 песен мы печальных,
 таких, когда —
 как бы туман найдет,
 и зябко-зябко поведешь плечами,
 и что-то тяжкое,
 отмокнув, упадет.
 Давно мы слов
 не говорили нежных,
 таких, когда —
 как бы луна и снег,
 и вдруг щеки
 коснется ветер свежий,
 как мамина ладонь в далеком сне.
 Уже давно
 кричим мы, а не спорим,
 и сердимся, и каменно молчим.
 И, утро чем-то мелочным испортив,
 мы целый день кривимся и ворчим.
 Что это — старость?
 Мстительные годы?
 А что по мне —
 так это блажь и лень.
 Забыл ли ты, как медленно и гордо
 к нам вынес солнце
 на рогах олень?

И как твои затрепетали ноздри,
 и как он встал на краешке скалы,
 и как смотрел ты
 строго и серьезно,
 безжалостные опустив стволы?

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ*(выпускник отделения
журналистики филфака ВГУ)*

* * *

И солнце в тучах не померкло,
 И гром не грянул в небесах,
 Когда в селе ломали церковь
 У всей округи на глазах.

На битых стеклах гасли блики,
 Старухи плакали, шепча.
 Глядели свергнутые лики
 Из-под обломков кирпича.

В глухом бору кричали птицы,
 Как будто знали наперед,
 Что с нами в будущем случится
 И после нас произойдет.

ЕЛЕНА НЕВЕДРОВА*(выпускница отделения
журналистики филфака ВГУ)*

* * *

Под высоким небом —
 Бирюзовым дивом —
 Все мы живы хлебом,
 Хоть и не единым.

Что несет с собою
 Выбранная доля?
 Много нас — свободных
 От страды и поля.

Кто-то возгордился,
 Что других превыше:
 С головой родился,
 На дорогу вышел.

Зной ли, непогода —
 Все такому с толком.
 А моя свобода —
 Обернулась долгом.

Вьет дорога петли,
 Даль дымится синью.
 Заплачу ли, нет ли?
 Выдюжу? Осилю?

На душе — бессонно,
 На земле — просторно.
 Под луной и солнцем
 Вызревают зерна.

АЛЕКСАНДР НЕМИРОВСКИЙ*(профессор исторического
факультета ВГУ)*

* * *

Доской забита дверь моей квартиры,
 Осиротевшей в первый день войны.
 Четвертый год я странствую по миру,
 Оставленной не помня тишины.

А дома пальма без воды засохла,
 Ладони листьев в трубочки свернув,
 И пыль легла, как занавес, на стекла,
 Не мытые ни разу за войну.

Пока я полз и руки в кровь царапал,
 Пока бежал в атаку на врага,
 Здесь время шло, обрушиваясь на пол
 Кусками штукатурки с потолка.

1945

АНАТОЛИЙ НЕСТЕРОВ

*(выпускник филологического
факультета ВГУ)*

* * *

Небольшое село Колодезное
вырастает из детства снова.
Там мечтает журавль колодезный
в журавля превратиться живого.

По ночам, когда лай окаянный,
когда филин ухает грозно,
всё он шею свою деревянную
тянет в небо, навстречу звездам.

СТАНИСЛАВ НИКУЛИН

*(выпускник филологического
факультета ВГУ)*

* * *

Перепутав дороги, тропинки,
Я по лесу бреду наугад,
И дрожат от испуга осинки:
«Не туда... не туда... не туда...»

«Не туда...», — беспокоится птица.
«Не туда...», — зашумела листва.
Стоит ниже к траве наклониться —
только эти и слышу слова.

Стало глуше в лесу и темнее.
«Воротись... Пропадешь без следа...»
И пришло на подмогу сомненье:
может, правда, иду не туда?

Может, рай я земной покидаю,
может, в дом я родной не вернусь?
Вот немного еще — и тогда я
навсегда, навсегда заблужусь.

Но упрямилась разум и тело:
«Не беда... не беда... не беда...»
Потому что уже надоело —
всё туда,
да туда,
да туда...

АНАТОЛИЙ ПЕТРАШКЕВИЧ

*(выпускник математического
факультета ВГУ)*

* * *

Сплошной, бесшумный лёт снегов.
Снега струятся, чистые и длинные,
как будто шеи лебединые
протяжных, начинающихся слов.
Какое напряженное молчание,

предтеча сотворения миров...
Ребенок катит первый рыхлый ком,
как человечества
планету изначальную.

АРКАДИЙ ПРЕСМАН

*(выпускник филологического
факультета ВГУ)*

Журавлиный прилет
Спокойно и неоградиво,
За взмахом — взмах,
За взмахом — взмах,
Он возвращался в край родимый
На двух стремительных крылах.

И от своих не отстраненно,
А только, может быть, стройней,
И только, может быть, влюбленней
Он пел о милой стороне.

Когда же родиной дохнуло,
Страной приветливых берез,
В кустах зияющее дуло
Навстречу птице поднялось.

Природа замерла на вдохе —
И снова после ожила...
А где-то там, в чертополохе,
Пробитым горлом, песнь пошла.

АРКАДИЙ СЛУЦКИЙ

*(выпускник филологического
факультета ВГУ)*

* * *

Времен безвременья собрав черновики,
Среди случайных фраз и торопливой правки,
Резонам умников и смыслу вопреки,
Я уловил мгновенный привкус правды.

Быть может, был он чуть солоноват,
Косноязычен, чуть смешон, быть может...
Сквер опустел. Грозился мелкий дождик.
На убыль осень шла... Кто в этом виноват?

Костры и дворники на свой особый лад
Определяли это время года.
И наступала странная свобода —
Писать стихи темно и наугад.

Но надо же: собрав черновики,
Я не исправил ни одной строки,
Не обозначил время именами.
Что именам и призракам пенять?
Уже дождит... И чудится опять:
Безвременье совсем не за горами.

ГАЛИНА УМЫВАКИНА

*(выпускница филологического
факультета ВГУ)*

Благодарность

За версты нежности, за километры боли,
за долгий вздох сквозь нашу даль и ширь,
где, сколь ни мерь, не любят поневоле —
хоть задохнись, хоть кровью напиши;
за милость, за пропажу, за мякину,
за весь тот скарб, что следом волочем,
за то, что душу псу под хвост не кину,
за то, что знаю, чем не шутит черт;
за приступ жалости, за бабье голошенье
над каждым, кто, безвинный, не прощен,
еще за вечную мальчишескую шею
над воротом открытым — и еще
за то, что сколь нас до земли ни гнули,
ни заливали глотки нам свинцом, —
мы все ж друг с другом тут не разминулись
и даже перекинулись словцом.

ОЛЕГ ШЕВЧЕНКО

*(выпускник отделения
журналистики филфака ВГУ)*

* * *

Когда росток, проклюнувший бетон,
зеленый стебель обратит к светилу
и осознает собственную силу
(а это верно — осознает он);
когда любовь, дремавшая во мне,
проснется для недреманности страстной;

когда страницы повести прекрасной
восстанут, не сгоревшие в огне;
когда для человека не врагом,
а просто человеком станет ближний;
и примет речь характер необлыжный,
и станет жест, как приглашение в дом, —

тогда, быть может, вправду навсегда
настанут баснословные года.
Они — настанут.
(Верить иль не верить
в их свет, в их срок, в их сладостный черед?).

И мы — настанем.
Мы сочтем потери
и обретеньям мы откроем счет.

ИВАН ЩЁЛОКОВ

*(выпускник филологического
факультета ВГУ)*

* * *

Красовался я лебедем белым в воде.
Жировал воробьем полевым в лебеде.

А насытился, понял, что время мое
Исклевало с чужой стороны воронье.

И о чем ни трубили б с небес журавли,
Все мне слышались горькие сказки земли,

Где и время — не время, и быть — как былье,
Где и птицы — не птицы, а сплошь воронье...

